

А
Н. А. Добролюбов

Непостижимая странность

(Из неаполитанской истории)

Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в трех томах

М., "Художественная литература", 1987

Том третий. Статьи и рецензии 1860-1861. Из "Свистка". Из лирики

Примечания Е. Буртиной

[OCR Бычков М. Н.](#)

Ах, какой реприманд неожиданный!

"Ревизор"

I

Все благомыслящие люди в Европе посвящают теперь свои досуги справедливому изумлению -- как это так неаполитанский народ порешил с Бурбонской династией?! Не то удивительно, что восстание произошло: в королевстве Обеих Сицилии восстания нипочем; всем известно, что Италия, по крайней мере со времен Тарквиния Гордого, всегда была страной заговоров, тайных обществ и тому подобных ужасов...¹ Надобно же что-нибудь делать заговорщикам -- вот они и пошаливают; и там уж все к этому привыкли, так точно, как у нас в старые годы ямщики были приучены к тому, что "пошаливали" известные люди на больших дорогах. Известно, что при Фердинанде II, например, для знаменитого начальника полиции Делькаретто² составляло немалое удовольствие -- следить втихомолку за постепенным развитием заговоров, в которых принимали участие его агенты, дожидаться, пока австрийская полиция получит неопределенные сведения о заговоре и с испугом уведомит о нем неаполитанское правительство,-- и потом накрыть заговорщиков и доказать австрийцам, что они в этих делах ничего не смыслят. Все подобные шалости оканчивались обыкновенно ко всеобщему удовольствию, домашним образом, и законное правительство нимало оттого не страдало. Поэтому и в нынешнем году, когда началось восстание в Сицилии³, благомыслящие люди над ним смеялись; когда Гарибальди явился в Палермо⁴, над его дерзостью тоже подсмеивались. Когда Сицилия была очищена от королевских войск и Гарибальди готовился перенести войну на материк Италии, легитимисты потирали руки, приговаривая не без язвительности: "Милости просим! вот теперь-то мы и посмотрим вашу храбрость, благородный кондотьери!"⁵ Даже когда он появился в Калабрии⁶, и тут благоразумные люди хотели выразить полное пренебрежение к его предприятию, но, к сожалению,-- не успели: Гарибальди так быстро добрался до Неаполя, что за ним не поспело даже перо Александра Дюма, бесспорно величайшего борзописца нашего времени⁷. Зато благомыслящие граждане с избытком вознаградили себя, когда защита Капуя обещала обратиться во что-то серьезное: они положительно объявили, что Франциск II только по великодушию удалился из Неаполя, чтобы не подвергать свою столицу ужасам войны⁸, но что он отстоит свои права и что народ, опомнившись от своего безумия, повсюду уже призывает законное правительство. И вдруг -- все надежды рушатся: на этот раз восстание оканчивается совсем не так, как обыкновенно; оно принимает нестерпимо серьезный характер, такой серьезный, что даже политика Кавура, при всей своей трусости, решается открыто вмешаться в дело...⁹ А тут является еще новое изобретение -- suffrage universel; {Всеобщее голосование (*фр.*)-- *Ред.*} 1300000 голосов против 10 000 определяет присоединение к Пьемонту;¹⁰ последний из Бурбонов истощается в последних воззваниях к меттерниховским трактатам¹¹ и к верноподданническим чувствам своего народа; но ничто не помогает, он теряет Капую и видит себя в необходимости оставить свое последнее убежище, свою милую Гаэту, 12 лет тому назад воспрнявшую в свои стены святейшего отца и счастливую столькими благородными воспоминаниями...¹²